

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 008(091)

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-201-211

Мемориальными путями «Солярного коммунизма» (проблематика памяти и забвения в романе А. Платонова «Чевенгур»)

Кознова И.Е.

Институт философии Российской академии наук,
Россия, 199240, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1
E-mail: i.koznova@mail.ru

Аннотация. В современной гуманитаристике проявляется большой интерес к мемориальным аспектам социокультурных процессов. Память выдвигается в качестве антропологической универсалии, способствующей самоопределению индивида и общества во времени и в пространстве. В этом смысле несомненным потенциалом обладают литературные тексты. К числу устойчивых мотивов и образов творчества А. Платонова относятся память и забвение. Роман Платонова «Чевенгур» расширяет представления об ориентирах культуры, связанных с возможностью помнить или забывать. Он заостряет внимание на диалогическом характере отношений памяти и забвения в литературном тексте и в культуре в целом. Писателя интересовало присутствие и взаимодействие памяти и забвения, различные взаимопереходы между этими двумя состояниями как в одном персонаже, так и между разными. Не отказываясь от мысли о памяти как антитезе забвению, ее служении свободе человеческого духа, Платонов одновременно рассматривал забвение как ресурс памяти, хотя и ограниченный.

Ключевые слова: культура, память, забвение, А. Платонов, роман «Чевенгур».

Для цитирования: Кознова И.Е. 2020. Мемориальными путями «Солярного коммунизма» (проблематика памяти и забвения в романе А. Платонова «Чевенгур»). НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 45 (2): 201–211. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-201-211

Memorial ways of “Solar communism” (problems of memory and oblivion in the novel by A. Platonov “Chevengur”)

Irina E. Koznova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12, building 1 Goncharnaya St, Moscow, 109240, Russia
E-mail: i.koznova@mail.ru

Abstract. In modern Humanities, there is a great interest in the memorial aspects of socio-cultural processes. Memory is put forward as an anthropological universal that contributes to the self-determination of the individual and society in time and space. In this sense, literary texts have an

undoubted potential. Among the stable motives and images of A. Platonov's creativity are memory and oblivion. The reference to these categories refers to the Central question of philosophy about the relation of matter and spirit, the sensible and the thought. Platonov's novel "Chevengur" expands the idea of cultural landmarks associated with the ability to remember or forget. He focuses on the Dialogic nature of the relationship between memory and oblivion in a literary text and in culture as a whole. The writer was interested in the presence and interaction of memory and oblivion, the various interchanges of these States in the characters. While not rejecting the idea of memory as the antithesis of oblivion, Platonov simultaneously considered oblivion as a resource of memory, although limited.

Keywords: culture, memory, oblivion, A. Platonov, the novel "Chevengur"

For citation: Koznova I.E. 2020. Memorial ways of "Solar communism" (problems of memory and oblivion in the novel by A. Platonov "Chevengur"). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 201–211 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-201-211

Введение

Осмысление памяти и забвения как категорий культуры имеет свою традицию в гуманитарном знании. Длительное время память как хранилище, как важнейшее свойство познающего субъекта и основание персональной тождественности во многом противопоставлялась забвению как уничтожающему все перечисленное. Однако с конца XIX в. подобное видение подверглось определенной трансформации. Акцент переместился на прогрессивность движения памяти от прошлого к настоящему (А. Бергсон), что перекликалось с идеями Блаженного Августина. Восприятие забвения с точки зрения утраты доступа к прошлому и его стирания дополнялось представлением о забвении-резерве, условии нового. Более того, забвению стала отводиться роль великой исцеляющей и освобождающей силы, в то время как памяти – поработавшей и мертвящей (Ф. Ницше). Острая полемика интеллектуалов на этот счет, характерная для рубежа XIX–XX вв., перешла со временем в сторону выявления диалогического потенциала «встречи смыслов» воспоминания и забывания. Отмеченное особенно проявило себя в контексте «антропологического поворота» в современной гуманитаристике, самым тесным образом связанного с исследованиями мемориальных аспектов культуры, роли памяти в конструировании идентичностей (memory studies). Память понимается как эмоционально насыщенный символический способ передачи и актуализации культурных смыслов, как предпринимаемая социальными поколениями подвижная и избирательная реконструкция прошлого; подчеркивается двуединство памяти и забвения [Кознова, 2009; Ассман, 2019].

Чтобы это произошло, нужно было пережить великие катаклизмы последнего столетия с разгулом «подчеловеческой стихии», репрессий в отношении памяти, разрывом преемственности. Андрею Платонову довелось стать не просто свидетелем и очевидцем эпохи глобальных авангардных проектов. «Колесо истории» основательно втянуло писателя в свою орбиту. Его творчество, бывшее поначалу заинтересованным откликом на революционный призыв «отрицания» жизни в прежних культурных формах, в дальнейшем пошло путем пересмотра взгляда на недавнее прошлое и настоящее – как собственное, так и своей страны. Место романа «Чевенгур» в этом отношении особое, поскольку именно в нем Платоновым впервые ставится и раскрывается, по определению С.А. Никольского, «героический смертельный смысл коммунизма» [Неретина, Никольский, Порус, 2019].

В современном платоноведении значительное внимание уделяется изучению ключевых концептов творчества писателя, и в их числе называются память и забвение. Е.А. Яблоков связывает идею памяти у писателя (движение во времени и «хранение» времени) с идеей «странствования» (движения в пространстве и «собирания» мира в свою душу) в целях преодоления всеобъемлющего сиротства [Яблоков, 2001]. Е.В. Бронникова рассматривает память и беспамятство в структуре «Чевенгура» в качестве двух крайних полю-

сов и делит персонажи на пять основных типов в зависимости от степени устремленности к ним [Бронникова, 2009]. Анализ своеобразия мнемоники художественного мира А. Платонова проведен К.А. Барштом, рассмотревшим философскую систему писателя в контексте идей русского космизма и концепции памяти А. Бергсона, и Х. Гюнтером, обратившимся к переосмыслению Платоновым воззрений Н.Ф. Федорова.

Энергия памяти

Как отмечает К. Баршт, память для А. Платонова не сводится к нормативным представлениям о «психическом процессе» или «культурном наследии». Так, в творчестве писателя заметны мотивы сохранения следа живого и знака «памяти» об умерших, вытекающие из представлений Н.Ф. Федорова о земном веществе. Действительно, в «Чевенгуре» выведен персонаж «бог», питающийся почвой. Если вести речь о переработке А. Платоновым идей А. Бергсона, то русскому писателю, как и французскому философу, была чужда мысль о функционально изолированном от Вселенной человеческом теле и сознании. Платонов выдвинул свою «формулу» закона любви-памяти – направленной позитивной энергии жизни, способной остановить или даже обратить вспять смерть-забвение, дающей мыслящему субъекту шанс на спасение и оправдание в глазах Вечности [Баршт, 2008].

Отмечая динамику в восприятии А. Платоновым идей Н.Ф. Федорова, Х. Гюнтер подчеркивает перемещение акцента с утопического космизма на осмысление роли памяти в развитии послереволюционной России [Гюнтер, 2012]. Именно на этом, последнем аспекте представляется важным сосредоточить внимание в настоящей статье.

Подчеркивая неоднозначность и многослойность платоновской прозы, исследователи обращают внимание на принцип зеркальной симметрии, взаимного усиления идей, обратимости внешне парадоксальных формулировок в «Чевенгуре». С.А. Никольский пишет, что платоновские герои как способ анализа героического смысла коммунизма подобны русской игрушке «матрешка», поскольку в каждом есть несколько сущностей, неожиданно обнаруживающих себя в разных ситуациях [Неретина, Никольский, Порус, 2019, с. 101]. Отмеченное дает ключ к пониманию А. Платоновым духовного опыта, соотносимого с памятью и забвением.

Для А. Платонова память – неотъемлемое свойство человеческого сердца, как совесть и долг. Тем самым писатель помещает память в область этики, на чем настаивали в своих философских размышлениях Х. Арендт и П. Рикёр, и чьи позиции разделяет и развивает историк и культуролог А. Ассман [2019]. Ум и щедрость чувств как составляющие памяти служат для А. Платонова тем даром, который человек получает от рождения, а точнее, при зачатии (в избытке тела – т.е. в любви), и пестуется в материнской утробе. Память о ее теплоте проносится человеком через всю жизнь. Переживание героями возвращения в детство и еще глубже – в материнское лоно – во сне, в забытии, в смертный час – один из сквозных сюжетов романа. Для писателя также важна и социально-культурная среда памяти – аналог утробы (оседлость, государственничество, «уют классовой солидарности»), укорененность, дающая человеку основательность.

Память для А. Платонова – крайне тяжелый жизненный груз. В романе обращается внимание на парадокс: только у спящих людей бывают настоящие любимые лица; наяву же лицо у человека искажается памятью, чувством и нуждой [Платонов, 2002, с. 285]. По Ф. Ницше, «лишь то, что не перестает причинять боль, остается в памяти» [Ницше, 1990, с. 442]. Подобный груз дано вынести не каждому, поэтому память уступает место своему антиподу и двойнику в одном лице. Е.Н. Трубецкой писал о памяти как «переживании драмы жизни» [Трубецкой, 1994, с. 19].

Точка, завязывающая узел повествования о драме жизни главного героя «Чевенгура» Александре Дванове, сама расположена в пространстве мнемического. Он впервые

появляется в романе в воспоминаниях Захара Павловича об умершем рыбаке. Точнее, отсчет памяти Захара Павловича стала смерть бобыля. Смерть одного порождает воспоминание о другом – так мертвые сближаются с живыми [Подорога, 1990, с. 65], и важно, что имя Захар означает «Бог вспомнил». Затем, когда проходящий мимо погоста Захар Павлович находит могилу рыбака, воспоминание разрастается подробностями о похоронах, главная среди которых – прощающийся с отцом по наущению Захара Павловича сын. При этом событие прошлого описывается А. Платоновым одновременно с двух ракурсов. Один – это воспоминание Захара Павловича. Второй – так, как будто событие переживается в настоящем, притом самим Сашей, поскольку речь идет о его разных ощущениях тела отца и его одежды, обручального кольца на руке родителя, мыслях о забытой в озере удочке. И вся проживаемая потом в романе Александром жизнь в ее натуральном и виртуальном преломлении – возвращение к этой точке.

Генератором памяти Дванова служит сердце. Связанное с глубиной человеческого рода, с генетической памятью, заряжающее жизнью и смыслом, оно держит, как плотина, напор «вздыхающегося озера чувств» и перенаправляет их «в поток облегчающей мысли». Трепещущее птицей-чувством и птицей-мыслью сердце то питает, то тормозит сознание [Платонов, 2002, с. 183, 402]. В этом движении и воплощен поиск истины.

Жизнь «по памяти»

Чувственное начало памяти, природное в своей основе, – одна из основополагающих ее черт. Из многообразия ощущений, опирающихся на память, в романе чаще всего упоминаются запахи. Всплывая как образы-воспоминания – по А. Бергсону, точки пересечения духа и материи, запахи несут важную смысловую нагрузку. Они как будто реальные, из материального мира: запах рубахи, в которой хоронили отца Саши, когда пахло родным живым (тот же запах, но принесенный дождем, фигурировал одним из снов Александра); запах ситного хлеба, исходивший от отца Полнобездьева; аромат подола платья матери Копенкина; теплый запах какого-то давно заросшего, спекшегося материнства от Чепурного; запах волос и простыни Сони и т.д. Хотя все запахи так или иначе воображаемы, они приобретают характер символических. Когда «остаточных капиталистов» выселяли из их домов, каждый из них «уносил на себе многолетний запах своего домоводства, давно проникший через легкие в кровь и превратившийся в часть тела». Показательно замечание: «идешь по городу, и везде пахнет буржуазией». Хотя в итоге над Чевенгуром воцарился «сонный дух забвения» [Платонов, 2002, с. 300, 313]. Упомянем ощущение Копенкиным запаха платья Розы Люксембург и его рассуждения о «вредном воздухе», который он иссек саблей [Платонов, 2002, с. 168]. Однако и его преследует запах детства: «Всадник въехал в церковь с удивлением возвращенного детства, словно он очутился на родине в бабушкином чулане... Когда-то он молился в такой же церкви в своем селе, но из церкви он приходил домой — в близость и тесноту матери...» [Платонов, 2002, с. 249].

Обращаясь к памяти как к связке телесного и духовного, Платонов не проходит мимо такого важного аспекта последней, как традиция. Так, нацеленный на новое, Александр вместе с тем несет в себе связь со своими корнями. Проходя мимо деревенского погоста, он «включает» память – привычку тела («скорее, привычку, освященную памятью», по А. Бергсону [Бергсон, 1990, с. 210]), поступает так, как делали его предки и подобало ему: «поднял крестам свою руку, чтобы они передали его сочувствие мертвым в могилы» [Платонов, 2002, с. 132], являя приверженность сотворенной поколениями культурной памяти, ее, по выражению М. Хальбвакса, «социальным рамкам» [Хальбвакс, 2007].

С.С. Неретина подчеркивает, что для Платонова опорой человека являлись существование и мысль – внутренний потенциал, способный перенаправлять энергию внутри него. Соответственно, сознание определяется писателем как «деятельная память», и человек возникает как следствие *осознанной* жизни [Неретина..., 2019, с. 18, 47]. Для Алексея

Алексеевича Полюбезьева основанная на традиции, выпестованная средой и при этом личностная память – центр устойчивости в мире: «Стоял сейчас в полном сознании самого себя, чувствуя теплоту неба, словно детство и кожу матери, и так же, как было давно, что ушло в погребенную вечную память...» [Платонов, 2002, с. 239]. И, чтобы ощутить полноту жизни, Полюбезьеву не нужно раскапывать могилу матери – остатки детской родины, как этого захотелось в какой-то момент Захару Павловичу.

Поддерживаемая памятью традиция (либо память, освященная традицией) – «запасы накопленной вековой душевности» – помогали старым чевенгурцам («буржуйам», «бывшим», по терминологии революционной России) «нести остатки своей жизни с полным достоинством терпения и надежды», подготовиться, чтобы «кратко пройти по адову дну коммунизма». Правда, Платонов использовал эпитет «забытые» по отношению к слову «остатки», но, представляется, что под «забытыми» имеются в виду автоматически, подсознательно используемые обычные привычки и формы поведения, такие, которые в экстремальных обстоятельствах жизни (революция) оказываются как будто ненужными, невостребованными. Под стать старожилам Чевенгура и имевшие вековую прочность постройки, нижние венцы которых, положенные без фундамента, дали корни и проросли в глубокую почву, став таким образом памятью генетической [Платонов, 2002, с. 309]. Ярким материальным (и одновременно духовным) воплощением традиции были семейные поминальные книжки, которые «буржуи» принесли с собой на «чевенгурскую Голгофу». Именно на эти книжки, а вовсе не на принесенные теми узелки и сундучки с мылом, полотенцами, бельем, белыми пышками, обратил пристальное внимание Пиюся, занимавшийся распределением приговоренных к уничтожению. Вероятно, в своей жизни чекист никогда не испытывал необходимость их иметь, и наличие подобных книжек было ему непонятно и даже подозрительно. Да и в отличие от вполне пригодных для новых чевенгурцев вещей и продуктов, книжки с практической точки зрения не представляли никакой ценности и полагались «утилем».

Вырывание с корнем следов прежней жизни адептами «солярного коммунизма» весьма знаменательно. Во имя сытости новых чевенгурцев ликвидировались опорные точки памяти старых: дубовые кресты на чевенгурском кладбище оказались пригодными элементами для придуманной Александром оросительной системы. Впрочем, еще раньше, в самом начале его пути в Чевенгур, он уже испытал революционное искушение («беспорочное убеждение»). Как отмечает А. Платонов, Дванов в душе любил неведение больше культуры. Зато лесной надзиратель, напротив, стремился ведать, дабы узнать дальнейшую мучительную судьбу революции и найти исход для спасения своей семьи. Читая старинные книги, он искал в прошлом опыте подобия советскому времени.

Захару Павловичу память необходима как жизненная опора. Он напутствовал маленького Сашу в день похорон отца: «Погляди на него – будешь вспоминать». Позже напутствие переросло в призвание того на великие деяния. Конечно, у Захара Павловича существовала память в самом обыденном смысле, он думал и о житейском – необходимости пристроить мальчика. Для себя Захар Павлович в мыслях идет еще дальше библейского императива «Помни!». Отметим фрагмент романа, где речь идет о его желании сохранить Александра в гробу «целым для памяти и любви», чтобы потом через каждые десять лет откапывать его из могилы, «видеть его и чувствовать себя вместе с ним» [Платонов. 2002, с. 97]. И здесь равно присутствуют и отзвуки идей Н.Ф. Федорова, и аллюзия к ленинскому мавзолею, на фундаменте которого выросал культ Сталина. Показательно и стремление сохранить дольше целыми для памяти детские развалившиеся башмаки приемного сына. Нередко за память о прошлом держатся, когда нет опоры в настоящем и не просматривается будущее. Представляется, что отмеченное можно отнести к Захару Павловичу, утерявшему «свое усердное мастерство» и пытавшемуся в меморизации Александра обрести устойчивость и найти жизненный смысл.

Эпизод на московском кладбище демонстрирует зыбкость памяти Симона Сербинова. Стоящие на могилах кресты вечной памяти – ее культурные опорные точки – вызвали у него чувство безнадежности. Для Сербинова память может быть только личной, персонализированной (конкретному живому ходить к конкретному мертвому под крест). Он все же надеялся на свой след в памяти Сони и секретаря учреждения, от которого был командирован. Но в целом его память-опыт предчувствовала обреченность на одиночество и забвение. Платонов постоянно подчеркивает необычайность, тонкость, непрочность коммуникативных нитей Сербинова, в том числе в отношении оставленной им в забвении матери.

Прошка – Прокофий Дванов – полагался прежде всего на собственный опыт. Так, он постоянно напоминал «не мять матери живот» живущему, будто во сне, природой, стихией отцу. В детстве этот мальчишка-крохобор не любил никого за пределами своего двора, а впоследствии убеждал Александра, «излишне чувствовавшего человека» (добавим, и двор как живое существо тоже), что «сын и отец связаны нисколько не чувством, а имуществом», намереваясь довести размеры своего имущества до масштаба Чевенгура. Правда, рационально организованная память Прокофия временами давала осечку, повинувшись природному (настроению Клавдюши). Его полный лукавства и мимикрии ум нацелен на системность («мысль – организация»), в которой память (забвение), при всей присущей этой связке избирательности, особенно селективна и утилитарна. Весьма характерно заявление Прокофия Александру при их встрече в Чевенгуре: «Я тебя долго помнил, а потом начал забывать. Сначала вспомню, а потом думаю, нет, ты уже умер, и опять забываю» [Платонов, 2002, с. 386]. Для него, как и для Сербинова, уход человека из жизни закрывает канал памяти. Отметим образное сравнение памяти сводных братьев: если Прокофию больше помнятся мухи под потолком, то Александру – птицы в небе [Платонов, 2002, с. 468].

Поначалу, когда Платонов описывал память Чепурного, он подчеркивал ее стихийность и неупорядоченность. Однако в исключительный по переживанию момент, когда Чепурной простоял два часа в руках со знаменем Чевревкома, напряженно ожидая пробуждения пролетариата, его воспоминания обрели связь и живой смысл. В состоянии аффекта в голове Чепурного высветились фрагменты прошлого опыта (хождение на заработки и прощание с мертвой матерью), сложившиеся в ощущение *déjà vu*. И если прежде напряжение мысли не давало никакого чувства истины Чепурному, то в той ситуации попытка памяти найти в прошлом ресурс для настоящего привела его самостоятельно (без помощи Прокофия) к заключению «выжил – выживу и теперь», «ничего, дескать, это уж было, и теперь не умрешь — шагай по своему же следу» [Платонов, 2002, с. 332].

Изобретая память

Фантазийность и фанатизм, присущие героическому концепту коммунизма, проявляют себя в романе «Чевенгур» и в мифическом Чевенгуре в таких социально-культурных практиках, как «управление прошлым», «изобретение традиции».

Ярким образцом служит память Степана Копенкина, в которой народная традиция и природная стихия перемешаны с революционными лозунгами и новыми героями-мучениками. Слившийся со своим конем («погладил Пролетарскую Силу, чувствуя ее равенство себе») Копенкин действовал без плана и маршрута, а наугад и на волю животного, обладавшего памятью о «сладком разнотравии своей родины». Не случайно Копенкин часто вспоминает близкого ему в этом плане Дванова, «исполняющего жизнь вперед разума и пользы», и скучает по нему. Дванов же со всей сердечностью отвечает Копенкину, обещая не забывать его и Розу.

Свою мемориальную привязанность к Люксембург Копенкин проявляет многообразно. Память-поминование выражается, в частности, в тосте с чашкой чая. Роза, ставшая для Степана воплощением матери, – утешение, которого, как ему представлялось, не имели чевенгурцы. Неистовость Копенкина подпитывалась сконструированной им (или ско-

рее – заимствованной) памятью о жертве, брошенной на алтарь мировой революции. Такая память, основанная на праве сильного, «человека с ружьем», требовала клятвы: «моя рука положит на ее могилу всех ее убийц и мучителей!». Платонов замечательно описал сублимацию подобной революционной любви: «В ту же ночь он (Копенкин) со страстью изрубил кулака, по наущению которого месяц назад мужики распороли агенту по продразверстке живот и набили туда проса» [Платонов, 2002, с. 168].

Однако при этом «природный человек» Копенкин сознает, что для укоренения новой памяти необходим прочный фундамент, затверждение. Не случайно один из первых его вопросов к Чепурному касается того, есть ли в Чевенгуре памятник «товарищу Розе Люксембург»? Памятник из самородного камня (думается, аллюзия к «самосевному коммунизму») нашелся в одном сельском населенном пункте района. Поначалу Копенкин, считавший революцию последним остатком тела Люксембург, в своих воспоминаниях о ней намеревался откопать Розу из могилы и увезти к себе в революцию либо даже оживить. Но уничтожение деревьев, холма и памяти на общей могиле чевенгурской буржуазии в представлении Копенкина восполняло эти недостающие прежде элементы на воображаемой им дальней могиле Розы, и память о ней облекалась для него в конкретные формы.

Интересно, однако, что наличия памятника оказалось недостаточным, и, чтобы Копенкин прижился в Чевенгуре, Александр писал Степану ежедневно, по своему воображению, историю жизни Розы. Так революционный миф разветвляется, обрастает новыми симулякрами. Начав когда-то с того, что в своих соображениях «под думой... полагал не мысль, а наслаждение от постоянного воображения любимых предметов», Дванов в этом плане мало чем отличается от Чепурного, постоянно занятым чувственным воплощением коммунистических идей (характеризуя память Чепурного как интуитивную, К. Баршт полагает ее знаком приобщения к всемирной памяти [Баршт, 2008, с. 103]).

Поначалу «мягкая» по форме словесная резолюция Чепурного об уничтожении «буржуев» твердеет буквально на глазах в виде приклеенного мукой к заборам, ставням и плетням приказа «очисть город от гнетущего элемента». Переход «мягкой», коммуникативной памяти в «твердую», культурную представлен также в эпизоде с обсуждением вопроса об изобретении какого-либо знака для привлечения в город прохожих пролетариев. Жеев предложил символ Чевенгура в виде надписи на холстине и воспроизвел ее, пробираясь сквозь собственную память. При этом на вопрос Чепурного, отчего тот ее выдумал, Жеев отвечал: «Я про нее не думал... я ее по памяти сообразил, а не сам... Слышал где-нибудь, голова ведь разное держит...» [Платонов, 2002, с. 314]. Действительно, как следует из текста, услышал «на военном митинге в боевой степи». К.А. Баршт считает и «соображение» Жеева результатом приобщения к «фонду вечной памяти» [Баршт, 2008, с. 103]. Думается все же, что в данном случае речь идет о свойстве памяти того наличного элемента, с которым предстояло строить «светлое завтра» – отрывочной, лоскутной, «бриколажной».

Показано в романе и становление локальной мемориальной культуры, призванной закрепить достижения чевенгурских большевиков. В утрированном виде она воспроизводила реформы пришедшей к власти партии в области календаря, алфавита, праздничных дней, всевозможных переименований вкупе с «ленинским планом монументальной пропаганды» государственным героическим нарративом. Исследования историков, в частности, Ш. Плаггенборга, о том, как на практике в послереволюционной России решались задачи «реорганизации человека» и «самореализации режима» позволяют заключить о раннем формировании «идейных основ сталинизма» [Плаггенбург Ш., 2000].

Действующий на опережение, устремленный в будущее и настроенный на разрыв настоящего с прошлым Чевенгур устанавливает собственное летоисчисление. Он не просто деревня «в память будущего», он и есть будущее, что вполне укладывается в понятие «перспективная память», своей креативной функцией нацеленной на конструирование

идентичности. Поэтому можно трактовать фрагмент в плане «вечной одновременности» [Баршт, 2008, с. 96].

А. Платонов пишет о намерении установить памятник побежденной природе. В Чевенгуре уже воздвигнуты глиняные изваяния, «похоже изображавшие любимых товарищей», хотя в монументах стираются индивидуальные черты («однообразное массовое лицо») и проявляется идея «товарищеского сожительства». Недолговечность материала вызвала скепсис у столичного жителя Сербинова. Обращая внимание на эпизод, в котором Чепурный, носивший глину для памятников, разъясняет тому смысл занятия («Мы живем между собой без паузы»), К.А. Баршт расценивает его с точки зрения памятной непрерывности бытия, причастности индивидов к вечности [Баршт, 2008, с. 93]. Действительно, если иметь в виду рецепцию А. Платоновым идей Н. Федорова, то вопрос, что долговечнее – глина, материал гораздо более близкий к почве, или бронза – отпадает. Стремилась чевенгурцы оставить о себе воспоминание в материальной форме не только в пространстве, но и во времени, пообещав тому же Сербинову «к завтраму» сделать «чего-нибудь... на память».

Память, забвение: «и так и обратно»

При чтении романа прежде всего бросается в глаза, что забвение («недостаток человеческого сердца», по А. Платонову) – разрушительная сила, чуждая жизни и родственная смерти, моральное падение человека. Е. Яблоков считает, что «позабиться» актуализирует буквальный, экзистенциальный смысл – «забыть себя», утрату личностного самосознания [Яблоков, 2001, с. 327].

Отмечено, что «балансирование» – стилевая доминанта платоновской прозы, и для героев А. Платонова грань между жизнью и смертью зачастую неразличима. Для В.А. Подороги воспоминание нуждается в том, чтобы тот, кто вспоминает, обрел время смерти [Подорога, 1990, с. 82]. Для С.С. Неретиной наличие памяти – признак жизни, напротив, отсутствие памяти свидетельствует о смерти; более того, смерть нужна, чтобы отличить ее от жизни, или нужна для памяти [Неретина, 2019, с. 53]. Жить означает «оправдывать свою память» [Баршт, 2008, с. 102]. Принявший последний бой Копенкин, поначалу ничего не запомнивший во время смертельной схватки, развернул потом Пролетарскую Силу, чтобы все задержать на счету у памяти – победить, получив утешение от боя.

«Умереть» в романе «Чевенгур» не означает только «забыть» (для Сони «люди не умирают, а остаются») и забвение и тем более забывание не всегда равнозначны смерти. Забвение выступает в романе как защитная реакция на физическое испытание либо психологическое переживание. Так, труд из радостного состояния творчества превращается в участь работать с целью забыть голод.

Ссылаясь на С.С. Неретину, полагающую телесность опорой, позволяющей ощущать существование в природе, более прочное, чем в мысли [Неретина, 2019, с. 18], Е.П. Аристова, приравнивает безмыслие к забвению, равнозначно удерживающему человека в безопасности от краха мысли [Аристова, 2019, с. 21]. Не случайно она обращает внимание на суждение Сербинова о человеке: «это не смысл, а тело, полное страстных сухожилий, ущелий с кровью, холмов, отверстий, наслаждений и забвения» [Платонов, 2002, с. 428]. Показателен один из критических в жизни Александра моментов, когда он, раненный «железной птицей», в забвении освобождения возобладал Соней и, узнав «гулкую страсть жизни», подивился «ничтожеству мысли перед этой птицей бессмертия». Впоследствии «сторож» ума героя нередко оберегал его и мог «впустить лишь одного посетителя, одну бродящую где-то наружи мысль» [Платонов, 2002, с. 115, 464].

Способность забывать, по мысли Платонова, отмечает период взросления в жизни человека, поскольку он идет «навстречу тем событиям и вещам, которые ему предстояло еще пережить в жизни, пропустив внутрь своего тела» [Платонов, 2002, с. 67]. Так

происходило и с Александром, забывавшим отца-рыбака, деревню и Прошку. Молодость и зрелость (старость) могут реагировать по-разному на одно и то же событие. Если для Саши образ машиниста-наставника ушел в сон воспоминаний, то Захар Павлович, не имевший уже такой самозарастающей силы жизни, горевал о наставнике всю остальную жизнь.

Забвению предается именно то, для чего в настоящем утрачены референциальные рамки [Хальбвакс, 2007]. В область забвения может перейти какое-либо событие, признающееся завершённым в данный момент и не нуждающимся в продолжении, т.е. не актуальное [Лотман, 2000]. П. Рикёр писал о забвении-резерве, полагая его не только «врагом» памяти, но и ресурсом для нее [Рикёр, 2004]. После смерти бобыля Захар Павлович сразу забыл и его, и дождь, и голод. И чуть позже, отправляясь в путь, он, вспоминая на ходу прошедшую жизнь, не сожалел о ней.

Зыбкость грани между памятью и забвением у Александра особенно показательна. Это касалось, например, Сони или безумных блужданий в «поисках социализма». Переходы из тени беспомыслия на свет анамнезиса и обратно сопровождает его на всем протяжении повествования, наяву и во сне. Но все же не случайно у Захара Павловича при воспоминании о сироте «нечаянно» встал образ растущего из дымохода покинутой хаты подсолнуха, цветок которого следует за движением солнца. В нужный момент «сторож» Дванова зажигает «огонь»-интуицию. Так в его сознании возникает сказка про пузырь, соломинку и лапоть, помогающая принять решение идти в Чевенгур, а во сне – отец, побуждающий сына делать там «что-нибудь». При встрече с Прокофием в Чевенгуре в ответ на блуждания того в лабиринтах памяти – забывчивости, Александр заявил: «А я тебя помнил. Чем больше жил, тем все больше тебя помнил... и всю деревню» [Платонов, 2002, с. 386]. Память приобрела силу жизненного ресурса. Проводя параллели между пониманием памяти А. Бергсоном и А. Платоновым, К.А. Баршт подчеркивает их совпадение в принципиальном вопросе: чем выше уровень развития сознания, тем глубже и точнее память, следовательно, во времени возрастает напряжение, и связь между настоящим и прошедшим укрепляется [Баршт 2008, с. 91; Бергсон 1992, с. 316]. На закате Чевенгура «сторож» Дванова открыл «заднюю дверь воспоминаний», чтобы впустить в его голову теплоту сознания – припоминание фрагмента детства, когда он и отец идут вместе, взявшись за руки, как единое целое, подводя повествование к финалу.

Заключение

«Путешествие» А. Платонова по «волнам» памяти его персонажей в романе «Чевенгур» во многом полемично, как и описания всех странствований в нем. Оно представляет собой «вечное движение» между прошлым, настоящим и будущим, между «верхом» и «низом», по горизонтали и по вертикали. Память одного персонажа переходит в воспоминание другого или сталкивается с ним; сменяется на забывчивость. Забвение для писателя несет в себе потенцию памяти, последняя в свою очередь не закрыта для беспомыслия. Все проходят через мнемонические испытания, каждый имеет шанс хранить в своей памяти и сохраниться в памяти другого, и каждый выбирает для себя помнить и (или) забывать.

Список источников

Платонов А.П. 2002. Чевенгур. В кн.: Платонов А.П. Котлован. Роман. Повести. Рассказы. Екатеринбург, У-Фактория: 15–484.

Список литературы

1. Ассман А. 2019. Забвение истории – одержимость историей. М., Новое литературное обозрение, 610 с.
2. Аристова Е.П. 2019. Гуманизм после конца человечности: ренессансный мотив

«Чевенгура» А. Платонова. В кн.: Размышляя о Платонове. По материалам XVI конференции Института философии РАН с регионами России. М., Голос: 9–27.

3. Баршт К.А. 2008. Мнемоническая вечность Андрея Платонова. Вопросы философии, 1: 90–107.

4. Бергсон А. 1992. Материя и память. В кн.: Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М., Изд-во Московского клуба: 160–316.

5. Бронникова Е.В. 2009. От памяти к беспамятству: к вопросу о типологии персонажей в романе А. Платонова «Чевенгур». Вестник Челябинского государственного университета, 3(143), Филология. Искусствоведение, 29: 13–16.

6. Гюнтер Х. 2012. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М., Новое литературное обозрение, 216 с.

7. Кознова И.Е. 2009. Национальное самосознание как взаимодействие памяти и забвения. В кн.: Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки. Материалы 3-й Всероссийской конф. М., ИФРАН: 55–65.

8. Лотман Ю.М. 2000. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исслед. Заметки (1968–1992). СПб., Искусство, 703 с.

9. Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н. 2019. Философская антропология Андрея Платонова. М., ИФ РАН, 240 с.

10. Ницше Ф. 1990. К генеалогии морали. В кн.: Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., Мысль: 407–524.

11. Плаггенборг Ш. 2000. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Окт. Революцией и эпохой сталинизма. СПб., Нева, 414 с.

12. Подорога В.А. 1990. Евнух души. Позиция чтения и мир Платонова. В кн.: Сознание в социокультурном измерении. М., ИФРАН: 56–83.

13. Рикёр П. 2004. Память. История. Забвение. М., Изд-во гуманитарной литературы, 725 с.

14. Трубецкой Е.Н. 1994. Смысл жизни. М., Республика, 431 с.

15. Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти. М., Новое издательство, 348 с.

16. Яблоков Е.А. 2001. На берегу неба: Роман А. Платонова «Чевенгур». СПб., Дмитрий Буланин, 374 с.

References

1. Assman A. 2019. Zabveniye istorii – oderzhimost' istoriyey [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow, New Literary Review, 610 p.

2. Aristova E.P. 2019. Gumanizm posle kontsa chelovechnosti: renessansnyy motiv «Chevengura» A. Platonova [Humanism after the end of humanity: Renaissance motive in “Chevengur” by A. Platonov]. Reflecting on Platonov. Based on the materials of the XVI conference of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences with the regions of Russia. Moscow, Golos: 9–27.

3. Barsht K.A. 2008. Mnemonicheskaya vechnost' Andreyaya Platonova [Mnemonic eternity of Andrei Platonov]. Voprosy filosofii, 1: 90–107. (In Russian)

4. Bergson H. 1992. Materiya i pamyat [Substance Matter and memory]. Sobr. Op. in 4 volumes. Vol. 1. Moscow: 160–316.

5. Bronnikova E.V. 2009. Ot pamyati k bespamyatstvu: k voprosu o tipologii personazhey v romane A. Platonova «Chevengur» [From memory to unconsciousness: to the question of the typology of characters in A. Platonov’s novel “Chevengur”]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 3(143), Filologiya. Iskusstvovedenie, 29: 13–16.

6. Gunther H. 2012. Po obe storony ot utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova [On both sides of utopia: Contexts of A. Platonov’s works]. Moscow, Novee literaturnoe obozrenie, 216 p.

7. Koznova I.E. 2009. Natsional'noye samosoznaniye kak vzaimodeystviye pamyati i zabveniya [National self consciousness as the interaction of memory and oblivion]. Problems of Russian self – consciousness: an evolutionary formation and revolutionary break. Proceedings of the 3rd All –Russian conference. Moscow, IPhRAS Publishers: 55–65.

8. Lotman Yu.M. 2000. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issled. Zаметki (1968–1992) [Semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Issled. Notes (1968–1992)]. St. Petersburg, Art, 703 h.

9. Nietzsche F. 1990. K genealogii morali [To the genealogy of morality]. Works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Mysl': 407–524.

10. Neretina S.S., Nikolsky S.A., Porus V.N. 2019. *Filosofskaya antropologiya Andrey Platona* [Philosophical anthropology of Andrey Platonov]. Moscow, IPhRAS Publishers, 240 h.
11. Plaggenborg Sh. 2000. *Revolyutsiya i kul'tura: Kul'turnyye oriyentiry v period mezhdu Okt. Revolyutsiyey i epokhoj stalinizma* [Revolution and culture: Cultural landmarks between Oct. revolution and the era of Stalinism]. St. Petersburg, Neva, 414 p.
12. Podoroga V.A. 1990. *Yevnukh dushi. Pozitsiya chteniya i mir Platona* [The eunuch of the soul. Reading position and Platonov's world]. In: *Soznaniye v sotsiokul'turnom izmerenii* [Consciousness in the sociocultural dimension]. Moscow, IPhRAS Publishers: 56–83.
13. Ricoeur P. 2004. *Pamyat'. Istoriya. Zabveniyе* [Memory. History. Oblivion]. Moscow, Publishing house of humanitarian literature, 725 p.
14. Trubetskoy E.N. 1994. *Smysl zhizni* [Meaning of life]. Moscow, Republic, 431 p.
15. Halbwachs M. 2007. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social framework of memory] Moscow, Novoe izdatel'stvo, 348 p.
16. Yablokov E.A. 2001. *Na beregu neba: Roman A. Platona «Chevengur»*. [On the shore of the sky: Roman A. Platonov "Chevengur"]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 374 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina E. Koznova, Ph.D., Professor, Research Officer the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia